

Жил в нашем городе **СКАЗОЧНИК**

Он собирался жить долго – минимум 92 года. А еще мечтал написать сказку – самую добрую, самую умную сказку на свете. Не дотянул до заказанного срока где-то полтора десятка лет. Выпустил несколько книг, но самая главная в его жизни сказка так и не увидела света. И все-таки в памяти хорошо знавших и любивших его людей он так и остался сказочником. Человеком не от мира сего. Со знаком плюс, конечно.

Ульяновский детский писатель Лев Леонидович Фомин. Доброжелательный, всегда немного грустный взгляд из-под очков, располагающая, чуть застенчивая улыбка. И глубокий, очень красивый голос – таким только сказки рассказывать. Он имел серьезную профессию: химик-технолог, но в душе навсегда остался любопытным, любознательным мальчишкой. Его волновали загадки исчезнувших цивилизаций, истоки оставленных ими знаний и перспективы нашего, такого неблагоприятного, мира.

Много ли среди нас найдется людей, которые, отправившись отдыхать в Ундоры, весь свой трудовой отпуск посвятили быковырянию в глине? Фомин же с увлечением искал в речных отложениях останки ихтиозавров (и это в то время, когда и разговоры еще не велось о создании у нас палеонтологического музея). Добытые немалым трудом ископаемые раритеты прямым назначением отправались в музей – школьный, к его создателю Сергею Емельяновичу Бирюкову. Кстати, ему, давнему

своему любимому учителю, посвятил писатель один из лучших своих газетных очерков. Да и вообще он был блестящим публицистом, что очень ярко проявилось в 60-80-е годы в статьях о времени-прошлом и настоящем. В них – мудрость долгого жителя, думающего человека и сила чувств человека, глубоко неравнодушного.

Льва Леонидовича занимали люди необычного дара: телепаты, гипнотизеры, экстрасенсы (это еще до бума вокруг всего неизведанного). Быть может, потому что он, сам того не подозревая, обладал какими-то задатками магических способностей, но, не веря в себя, просто не развивал их. Зато очень верил в скрытые могучие силы человеческого организма и пытался их активизировать.

Отнюдь не богатырского здоровья был писатель Фомин. С фронта вернулся после контузии полуслепшим, с приобретенным пороком сердца, постоянно мучившимися его головными болями и кучей других болезней. Однако умел ведь как-то не только подниматься над своими болезнями, но и жить плодотворной жизнью.

Увлекался фотографией и радиотехникой, неплохо рисовал, писал маслом, плотничал. А какие великолепные поделки выходили из-под его рук. Вечный двигатель изобретал – на полном серьезе. Принципы его действия, обсуждавшиеся в кругу наших умельцев-изобретателей, так и остались не опровергнутыми. А проверить их на практике, как у нас водится, средств не нашлось.

Музыку любил. Вот в Дрездене во время туристской поездки по ГДР, в универмаге, когда все бросились приобретать шмотки, Фомин побежал в отдел грампластинок – Баха покупать. И привел при этом молоденькую продавщицу в немалое замешательство: долго искала, пока нашла требуемое. А в Лейпциге чуть ли не в полночь отправился к церкви святого Фомы, где в свое время служил и играл на органе великий немец. Почему, спросите вы. Да потому что днем гид, сопровождавший русскую группу, обронил, что сто-

ящий там памятник Баху при ночном освещении особенно великолепен. И песни слушать Фомин любил. Но не теперешние, взывающие не столько к чувствам, сколько к инстинктам. А такие, как «Маленький принц» с близкой ему мечтой – тоской о «счастья островах», «о побережье света и добра».

При всем разбросе увлечений, а Фомин был очень увлекающейся натурой, главным для него всегда оставалось писательство. В этом своем призвании быть именно детским писателем – он не сомневался никогда. Повести, рассказы, сказки – в них весь Лев Леонидович Фомин. Они в прямом смысле автобиографичны, потому что забавные эпизоды, мальчишеские обиды, страхи, победы над собой и открытия – все из собственного детства. И взрослые в его книгах – тоже он сам, каким был или хотел быть, но не сумел. Он сам и его добрые и не очень добрые знакомые.

Писательство являлось для Фомина особой формой существования, размышления о жизни. Он твердо верил: человек рождается, чтобы потом становиться лучше, что мир должен усовершенствоваться. О взрослении, нравственном развитии, росте мальчишеско-несмышленицей в сущности все рассказы и повести Фомина. Вот и главный герой его несостоявшейся сказки – безмозглый щенок с опилками в голове, пройдя через горнило всевозможных испытаний, должен был чудесным образом превратиться в прекрасного принца. Писатель мечтал своим творчеством способствовать пробуждению и укреплению добрых начал в своих читателях. Но о каком моральном росте могла идти речь на жестком переломе веков, когда после короткой перестроечной эйфории все перевернулось вверх дном и разом обрушились прежние представления, устои, идеалы? В разногласии прямо противоположных обвинений, разоблачений, утверждений он вдруг почувствовал себя инопланетянином.

Что никогда ему не изменяло, являлось неизменной его любо-

вью – так это мир природы. Она присутствует во всех его книгах. Это, вероятно, под влиянием своей матери, биолога, много лет преподававшей в ульяновском сельхозинституте, Фомин научился так тонко чувствовать красоту русских наших цветов, деревьев, перелесков, уходящих в глубь леса дорог, заросших глухих оврагов и неожиданно ярких солнечных полянок. Он умел вникать в перекличку птиц, мог залюбоваться мохнатой гусеницей, которую непосвященный и в руки-то взять побоялся, придти в восхищение при виде шмеленка, тут же назвав его минитигренком. Мог даже рассердиться на человека, в раздражении раздавившего вредителя - колорадского жука. И этому человеку почему-то становилось стыдно за свое варварство. Фомин испытывал почти физическое страдание при виде безобразных куч отбросов, повсеместно встречающихся в пригородных лесах, при виде мусора в загнивающей волжской воде.

А уж собаки, коты, куры, петухи и козы, вообще всякая и домашняя, и лесная живность предстают в его книгах такими разумными симпатиями (у каждого свой характер, своя индивидуальность), что просто не могут не вызывать

у читателя доброй улыбки. Было время, вел Фомин на ульяновском телевидении детскую передачу «Тик-так». Выдуманные им зверюшки, их приключения и поныне вспоминаются с благодарностью уже вполне зрелыми людьми. И все потому, что сам он ощущал своих персонажей как живых, вправдашных.

Что Лев Леонидович Фомин – хороший человек, было видно, как говорится, невооруженным глазом. В нем начисто отсутствовал этот зазор между «быть» и «казаться». Естественный, ироничный по отношению к своей особе человек, перед которым как-то неудобно было притворяться, вставать на цыпочки, выдавая себя не за то, что ты есть на самом деле. Совершенно бескорыстный в общении с людьми, он сторонился всяческих тусовок, но легко вступал в контакт, особенно с детьми и стариками, даже животными, которые, кажется, хорошо понимали его.

У Фомина была масса хороших знакомых, приятелей и приятельниц, ценивших в нем редкое умение внимательно слушать, сочувствовать, отзываться на чужие переживания. Но большинству из них вряд ли и в голову могло придти, что сам он остро нуждался в

понимании и поддержке, особенно в последнее время. Все мы сверх головы заняты своими собственными проблемами. И как жаль, что запоздалые слова признательности, уважения, любви, которые говорились на вечере по случаю печальной годовщины, уже не могли быть им услышаны. Действительно светлым получился этот вечер воспоминаний об уникальном, добром человеке, на который собрались коллеги-писатели – молодые и старые, тележурналисты, сотрудники областной детской библиотеки, некогда работавшие с ним, просто люди разных профессий, с которыми стала кивала его судьба.

Лев Леонидович Фомин умер в марте 2000 года в городе Вене Тульской области, куда он переехал вместе с женой два года назад. Переехал в надежде найти здесь душевный покой, в тишине завершить все задуманное. Не успел... В старом доме на городской окраине осталась на столе осиротевшая пишущая машинка, кипа белой, приготовленной для работы бумаги. И еще больше бумаги исписанной...

Нелли Чернышева